

Элла Залужная г. Санкт-Петербург

Кафе

Мягкий вечер опустил свои объятия на уставший город. Серость ушла, растворилась без остатка в уютной осенней темноте. Она приукрасила, придала изящества и загадки там, где этому днём не было места. Поглотила то, на что и не стоило смотреть.

Тяжело было очнуться, вывалившись из душного транспорта на улицу, промокшую насквозь от мелкого, но методично делающего своего дело дождя, пакостливо задувающего за воротник пригоршнями мерзкой погоды несносного ветра. Как раскрыть глаза, когда уже смотришь? Иногда сложно; вдохнуть мокрый ветер, проморгаться – кто я? – где я? – да, здесь.

В кафе было на редкость спокойно и тихо. Приглушённый свет играл тенями на тяжёлых сливочно-кремовых шторах. Я ждала дорогую моему сердцу подругу, пока на меня изо всех сил таранился разъехавшийся в десертной тарелке тирамису.

Через некоторое время быстрые торопливые шажки, приправленные шуршащем одежде и пакетах, взбудоражили застоявшийся воздух.

– Привет! – Она пришла.

– Привет. Присаживайся...

Она с радостью расположилась напротив, приговаривая о дороге, суматохе, бегло

упомянув о паре событий... Не преминула подойти девушка-официантка.

– Добрый вечер. Вот, пожалуйста, это наше меню. – Протянула увенчанную вряд ли ясным ей или хозяину кафе вензелем книгу вин и брошюру с перечнем блюд и напитков.

– Ой, какое у вас красивое платье! – Воскликнула от восторга подруга.

Официантка замешкалась с ответом, на чав оглядывая подол.

– А что, тут где-то что-то не так?

– Почему? Всё в порядке.

Девушка повернулась ко мне, вперившись в меня своими огромными удивлёнными глазами.

– Мне что, не идёт?

– Наоборот, такой чудный цвет и фасон! Вам очень идёт! А вам что, об этом ещё не говорили? – продолжила подруга, привыкшая со всеми делиться своим теплом, стирая звенящей радостью возникшую неловкость.

– Нет... – продолжила смотреть на меня официантка, словно посчитав слишком искренне-восторженного человека то ли за сумасшедшего, то ли за наглого притвору, пытаюсь найти поддержку и ответ на свои сомнения у меня – сдержанного гостя в хорошем костюме.

– Всё в порядке! Просто действительно красивое платье! – попыталась я нехотя её успокоить, чувствуя раздражение от необходимости доказывать ей, что комплимент – это нормально.

И она скрылась из виду, продолжая со всех сторон оглядывать платье.

Мы выбрали пару блюд и ждали её появления, чтобы сделать заказ, проводя время за приятной беседой.

– Какой великолепный интерьер! Какие картины! Какая располагающая обстановка! Надо обязательно в книге пожеланий оставить отзыв!

– Да, можно... – я была рада, что ей приятно там находиться, ведь не всегда есть возможность замечательно провести время, хотя бы потому, что далеко не каждый способен испытывать радость от простых

вещей, и уж тем более щедро делиться ею с другими.

– Официантка вернулась, плотно закутанная в фартук, явно гораздо больший по размеру, чем нужно, но зато определённо скрывающий значительную часть платья.

Мы сделали заказ, продолжили беседу. Позже нам принесли заказанное – угостились закусками, отпили крепкого чаю с чабрецом, побаловались вкуснейшими конфетами, которых не ели давно, – что может быть лучше? – конфеты родом из детства. Собираясь уходить, моя подруга решила обратиться к администратору за книгой отзывов, чтобы поблагодарить хозяина кафе за чудесный вечер. Я уже поняла на примере с платьем, что это не пройдёт гладко, но, уважая её чувства, не стала ей перечить.

– Здравствуйте! Можно обратиться к администратору или менеджеру?

Бармен заволновался, показалась «наша» официантка.

– А что случилось?

– Ничего. Мне у вас очень понравилось, и я хочу оставить в книге предложений отзыв.

Бармен с официанткой скрылись в подсобном помещении и вернулись обратно уже с хозяином кафе.

– Добрый вечер. Я хозяин этого заведения. Что случилось? Вас что-то не устраивает?

– Мне очень понравилось в вашем кафе, и я хотела оставить в вашей гостевой книге отзыв!

– У нас нет такой книги, – буркнул он недовольно.

– Как нет...

– Обязательно заведите! – сказала я нарочито строго, вклинившись в разговор. – В следующий раз обязательно оставим. А сейчас давай пойдём... – аккуратно подхватила её под локоть, уводя от барной стойки.

Хотелось затребовать у него книгу жалоб и устроить скандал, пожаловаться на мир, который забыл, что такое быть приветливее и добрее, но мне не хотелось портить близкому человеку настроение.

– Да, заведите, – поддержала она меня, и мы ушли, выйдя в освежающий, переливающийся отражением уличных огней в зеркалах залитых дождём тротуаров и мостовой осенний вечер.

Грибы

Влажная духота, растопленная на горячем солнце, плавно поднималась от асфальта в воздух. Холодный дождь вылился как из ведра, распластавшись по поверхности, резко прекратился и начал испаряться под непривычно палящим солнцем. Резкая перемена погоды – как всегда, я уже привыкла. Плащ – распахнут – уже не нужен. И снимать лень, чтобы не тащить в руке, и идти так уже жарко...

Люди ещё не сновали по улицам, прятавшись кто куда после проливного дождя. Вошла во двор. Слева от меня – опять, непонятно зачем, без известного результата, крутился экскаватор, с пригоршней наблюдающих за его бесцельными телодвижениями рабочих. Справа от меня – холёный южанин, видно, скучающий бригадир что-то обсуждал с пристроившейся на бордюре под ветвистым деревом бабушкой – видно, что-то продавала... А я плелась по влажной жаре навестить родителей после работы, погруженная в остатки своих измученных за рабочий день мыслей, функционируя на сплошном автопилоте.

– Лучше вам обратиться к женщине, – донёсся до меня обрывок фразы.

– Женщина! Можно вас на минутку? – крикнул мне южанин.

– Нет, мне не надо, – отмахнулась, не задумываясь. Даже было всё равно, что назвал женщиной, хотя обычно во мне это всколыхивало целую волну вопросов (что, уже женщина? и т. п.) и ужасно раздражало.

– Подойдите на минутку!

И я сама не поняла, как подошла, невольно повинувшись его властному тону.

На газоне, за бордюром примостилась малюсенькая бабуля – настолько маленькая, словно из какой-то сказки... Мокрая от дождя, сгорбленная, с котомками, с горкой аккуратно сложенных крупных грибов. Видимо, пыталась укрыться под развесистой кроной дерева от заставшей её врасплох непогоды.

– Вот, посмотрите... Это съедобный? – тихо спросила бабушка, бережно крутя в руках гриб.

– Не знаю... – ответила, не глядя, желая отделаться побыстрее, порываясь уйти. Но не смогла, остановившись под тяжестью осуждающего взгляда мужчины.

– Я вот насобирала, но не знаю, съедобный или не съедобный... – залепетала бабуля тихо. Такая робкая, видимо, не приспособленная к реальной жизни, какая-то слишком изящная, слишком городская; старенькая брошь с кое-где потерянными камнями, венчавшая кружевной воротник, штопаное, тщательно отпаренное шерстяное платье, полные растерянности глаза, исковерканные временем трясущиеся руки...

– Нет. Это поганка, – я внимательно оглядела гриб. Посмотрела на остальные – там не было съедобных.

– Как... И эти тоже есть нельзя?

– И эти тоже.

– Может, можно как-то выварить?

– В этом разбираться надо, я бы не рискнула...

– Как... – прошептала она тихо, горько... Как будто весь мир рухнул прямо у её с трудом передвигающихся ног. – Я ведь их поджарить хотела... Был бы обед...

И она заплакала. Крупные слёзы хлынули по испещрённому мелкими морщинками лицу сияющими ручейками. А у меня сжалось всё внутри... От страха. Перед своим будущим. От стыда. За себя, за нас всех, за наше несправедливое к пожилым людям время.

Клоуны

Трёхэтажные дома старой постройки гордо окаймляли центральную площадь. Щедры покрытые толстым слоем краски, пусть всё же и потрепанные временем, – кое-где без украшений фасада, с облупленной лепниной, они грели свои оранжевые животы на августовском солнце, сияя новенькими крышами. У подножия пощади гордо водрузился Дом культуры, как торт из безе – пышный и важный. По бокам, как из земли, сегодня с раннего утра выросли два огромных плаката – предвестники выборов. И все проходящие мимо жители не преминули удивлённо выругаться, встретившись лицом к лицу с теми, кого не очень-то хотели видеть; шёл человек

спокойно на работу – улица как улица, площадь как площадь – всё такая же грязная, со вспученным асфальтом и кормящимися на ней голубями, и вдруг – бац – металлический столб с цементной основой, поднимаешь голову выше – а тебе оттуда улыбается приветливо-натянутой улыбкой местный глава, к которому и на приём попасть не так-то просто, а ещё вспоминаешь, как он недавно окатил тебя с головы до ног, проезжая мимо со свистом на своём дорогушем автомобиле, да и лужи там давно уже не должно было бы быть, ведь был проведён ремонт дороги... И вот так каждый – удивится, мысленно, а то и действительно, сплунет и пойдёт дальше: «Надо же, два плаката новее и шикарнее, чем весь посёлок».

А вечером – ну и вовсе чудо; у служебного входа в Дом культуры образовалось маленькое, но существенное для посёлка столпотворение. Тем более существенное, что явно чужеродное, – ещё издали, по каким-то движениям и очертаниям, внутреннее чутьё подсказывало – не свои, что вызывало нескрываемое любопытство у местных, это дело наблюдавших. При ближайшем рассмотрении – трудно было поверить своим глазам – оказалось, что это перед представлением курили клоуны. Вышли, значит так, в полной экипировке с боевым раскрасом и, засунув парики подмышки, курили с деловитым видом, не обращая ровным счётом никакого внимания на откровенно разглядывающих их прохожих. Что ж, к вниманию, видимо, они привыкли – профессионалы. А за углом – у парадного входа – разместились другая, правда, более малочисленная, компания – кандидаты в депутаты. Но при этом вызывавшая не меньший интерес. Кому же не хотелось, чтобы ему дали бесплатный билет на представление, встретили, поздоровавшись и поклонившись, причём не просто кто-то там, а элита местных, действующих ещё пока депутатов. Что сказать, у пенсионеров это вызвало ажиотаж. А некоторым представления и так хватило, нагляделись; и на деловых клоунов посмотрели, и на кланяющихся – видимо, обладающих незаурядными актёрскими способностями и прочими талантами политиков местного разлива.